

Ю.В. Чудодеев

ИВ РАН

Ещё раз к вопросу о крахе монархии в Китае в 1911–1912 гг.

Значительное место в развитии китайской государственности занимает длительная история китайских монархических структур, насчитывающих более 2300 лет, доживших до начала XX в. и просуществовавших, пожалуй, дольше, чем какая-либо из известных мировых монархий. Эта история далеко не однозначна, сложна, противоречива и многолика, наполнена войнами и завоеваниями и, естественно, многомиллионными жертвами. Длительное время китайские империи доминировали в Восточно-Азиатском регионе, распространяя влияние китайской цивилизации на сопредельные страны.

Китайские монархи, мыслившие свои империи «центром вселенной», на протяжении веков взаимодействовали с многочисленными «варварскими» племенами и народами, которые часто сажали на китайский трон своих, «варварских» правителей. Отметим, что как правившие в Китае монголы (империя Юань), а затем маньчжуры (империя Цин), так и покоренные китайцы на деле чётко различали «собственно Китай» и «варварские» части обеих империй, Китаем не являвшиеся. Известен тезис Сунь Ятсена, провозглашённый им в Декларации Объединенного союза накануне Синьхайской революции: «Те, кого мы ныне называем маньчжурами, восходят к восточным варварским племенам... Воспользовавшись смутами в Китае, они вторглись в его пределы, уничтожили наше китайское государство, захватили власть и вынудили нас, ханьцев, стать их рабами... Китай должен быть государством китайцев, и управлять им должны китайцы...» [9, с. 104]. Как справедливо считают современные исследователи (в частности, С.В. Дмитриев, С.Л. Кузьмин), несмотря на признание официальной конфуцианской историографией юаньской и

© Чудодеев Ю.В., 2013

минской династий как легитимных, ни монголы, ни маньчжуры не рассматривались как китайцы – в отличие от этносов, давших начало китайской общности – *хуася* в древности (в эпохи Шан-Инь и Чжоу) [2, с. 17, 18]. Впрочем, Китай никогда не боялся внешних завоевателей, всегда считая возможным переварить их в своем культурном «котле», но всегда боялся внутренней смуты, а когда она возникала, китайцы меняли «мандат Неба», сажая на трон новую династию.

Причина столь длительного существования в Китае монархического режима лежит, как представляется, в конфуцианско-традиционалистских основах, которые были заложены в идеологическое основание китайских монархических структур, став их своего рода идеологической скрепой и сопровождая их развитие без каких-либо кардинальных изменений монархических основ (см. [7]). Династийные кризисы, сопровождавшие историю китайского монархического режима, завершались лишь появлением очередного, нового «правильного» монарха. Иными словами, центробежные тенденции периодически сменялись центростремительными, «хаос» сменялся «порядком», но без каких-либо системных изменений для китайских монархических структур.

Впрочем, на протяжении столетий социальный опыт монархического правления стимулировал формирование цивилизационных стереотипов, поведенческих основ китайского общества, к которым стоит отнести ранжирование норм поведения в соответствии с конфуцианскими принципами (формирование определённых форм социального поведенческого контроля), нивелирование прав личности по отношению к интересам общности (государства), трудолюбие и законопослушание китайцев.

Важный момент, который стоит подчеркнуть при изучении истории китайских монархических режимов, – укрепление государственного начала, целеустремлённое выстраивание вертикали власти в политике, экономике и идеологии. Тенденция авторитарного, авторитарного управления огромным людским массивом заложена в китайской традиции. Управление это осуществлялось через трансляцию властных структур, через разветвлённый и тщательно отфильтрованный чиновничий бюрократический аппарат, игравший огромную роль во взаимодействии центра и периферии, между императором и его подданными, между властью и оппозицией.

Китайскую замкнутость нарушило вторжение Запада, обозначившее начало взаимодействия двух разнородных цивилизаций – китайской, конфуцианско-традиционалистской, и западной, облачённой в капиталистические модернизаторские одежды. Вторжение Запада означало насильственное включение Китая в мировой социально-

экономический и культурологический процесс – своего рода глобализацию, осуществлявшуюся в форме колониальных и полуколониальных захватов. Сохранить линию своего автономного развития Китаю не удалось. Запад навязывал Китаю новую, более динамичную, современную (с точки зрения европейцев) модель развития, которую он был вынужден мучительно принимать, переваривая в духе своих традиционалистских концепций. Начался сложный процесс взаимодействия традиционно-китайских и западных начал, выразившийся, в частности, не только в противостоянии, но и во взаимодействии принципов западного техницизма и китайской конфуцианской духовности, западной рациональности и китайской иррациональной рациональности, равенства и иерархичности, революционности и эволюционности (стремления к консенсусу) и т.д.

Этот процесс затронул и развитие монархического режима в Китае, который, в конце концов, был ликвидирован в 1912 г. Естественно, он рухнул в результате внутренних процессов политической жизни страны, но отрицать значительное влияние Запада на это крупное событие китайской истории было бы неправильно. Мир древних традиций рушился под напором века перемен. Дело в том, что с середины XIX в. Цинская империя оказалась как бы в двух измерениях – традиционном и западном, капиталистическом. Причём, противостояние этих двух начал к началу XX в. чрезвычайно обострилось – традиционная синоцентрическая система, т.е. восприятие Китая как центра Вселенной, вследствие столкновения империи Цин с западными державами, потерпела крах.

Синьхайская революция оказалась неизбежной в связи с кризисом цинского монархического режима и развитием центробежных тенденций в политической жизни страны. Внешне всё как будто напоминало традиционную фазу династийного цикла, т.е. возникшую необходимость обновления власти и смены династии:

1. Поражение цинских верхов в противоборстве с державами, завершившееся подписанием унижительного «Заключительного протокола», превращало Китай из «страны-гегемона» в полуколонию. А это означало «потерю лица» – чувствительный момент для китайской национальной психологии, что особенно возмущало китайских патриотов и великоханьских шовинистов. В случившихся бедах китайское общество всё больше винило маньчжуров, стоящих у кормила власти и допустивших унижение Срединной империи западными «варварами».

2. После движения тайпинов правящая династия проявила, как известно, готовность допустить определённое развитие китайского партикуляризма в маньчжуро-китайской общности. Это привело к

становлению и развитию новой китайской военно-бюрократической элиты, сыгравшей не последнюю роль в свержении Цинов.

3. Наконец, имело место значительное падение интеллектуальной составляющей у Цинов к концу их правления – удивительная закономерность, которая сопровождала закат почти каждой династии в Китае. Краху маньчжурской династии способствовало значительное ослабление в начале XX в. вертикали цинской власти (особенно после смерти Цы Си и видных имперских сановников-китайцев – Ли Хунчжана и Чжан Чжидуна) и активное развитие китайских провинциальных военно-бюрократических анклавов. Подрывая кадровый баланс между маньчжурами и китайцами в бюрократической структуре, прежде всего на её силовых (военных) и губернаторских «этажах», Цины как будто сами приближали свой крах, стимулируя китайский национализм в его антиманьчжурском варианте.

Созданием весной 1911 г. Кабинета министров Цины углубили свой конфликт с провинциальной бюрократией, которая по сути оказалась в одном лагере с созревшей к этому времени антиправительственной оппозицией, всё более активно заявлявшей о себе – активизацией народной «смуты», попытками радикалов-революционеров свергнуть монархию и провозгласить республику и стремлением либеральных *шэньши*-конституционалистов учредить в стране конституционно-монархический режим.

Правда, в 1901–1910 гг. стихийные и разрозненные выступления крестьян и городского плебса, равно как и локальные восстания тайных обществ, были далеки от перерастания в общекитайскую крестьянскую войну, свергавшую династии в прошлом, и прямой опасности для династии Цин не представляли. Однако у династии появился новый противник – радикалы-националисты, звавшие Китай к антицинскому «топору» (партия Сунь Ятсена) и поставившие своей целью насильственное свержение инородной (маньчжурской) династии и возрождение Китая под китайской властью в рамках республиканского режима. Характерным моментом было стремление китайских революционеров соединить западную идеологию с постулатами китайского традиционализма, т.е. подать новое, западное, в значительной степени в китаизированном виде. Ведь сам Сунь Ятсен считал себя учеником Конфуция и вождя тайпинов Хун Сюцюаня. Диссидентское западничество Сунь Ятсена было облечено в китайские традиционалистские одежды. В его социально-политических и экономических концепциях это проявлялось в постулатах о приоритете интересов государства, о постепенности всех преобразований при сохранении авторитарных элементов в управлении страной. Преувеличивать роль китайских радикалов (Сунь Ятсена и его сторонников) в свержении

цинского монархического режима, что долгое время было характерно для отечественной историографии (см., например, [3; 6]), не стоит, но в создании единого антицинского фронта они, безусловно, сыграли свою активную роль.

Антицинская оппозиция, как известно, была неоднородна. Одновременно с радикалами-националистами важным фактором политической жизни Китая после ихэтуаньской катастрофы стало новое оппозиционное Цинам политическое течение – либерально-конституционное, выступившее за создание конституционной монархии и пытавшееся изменить ситуацию мирными средствами. Его сторонников, и в этом им не откажешь в прозорливости, пугала возможность наступления периода «смуты», т.е. политического хаоса и анархии. В 1909–1911 гг. либеральные *иэньши*-конституционалисты организовали четыре петиционные компании с требованием срочного созыва в Китае парламента (см. [10]). После того, как Цины начали наступление на прерогативы и доходы местных властей, нарушая традиционное равновесие между центром и периферией, провинциальная бюрократия всё больше склонялась к поддержке антицинской оппозиции. Образовался, таким образом, единый фронт китайцев против маньчжуров, лишив последних всякой поддержки внутри страны.

Создание маньчжурского Кабинета министров и Хугуанский кризис показали, что договориться с маньчжурами о мирном дележе власти невозможно. Оставался лишь силовой вариант устранения маньчжурских правителей от власти. Решающую роль в этом процессе сыграли, как известно, части «новой армии» и Бэйянский генералитет во главе с Юань Шикаем. Единому фронту китайцев против маньчжуров, «триаде» – армия, бюрократия, оппозиция, по справедливому заключению О.Е. Непомнина, – династия Цин ничего противопоставить уже не могла [4, с. 104; 11, с. 558]. В результате давления китайской вооружённой периферии на центральную власть Цинская монархия была свергнута. Деспотическая власть обрядилась в республиканские одежды, а свергнутого шестилетнего императора отставили от власти (но не казнили, как поступали со свергнутыми монархами в Англии, Франции или России), сохранив ему «почётный» титул, императорские дворцы и взяв на государственное содержание. Республика была воспринята новой китайской элитой положительно, потому что в определённой степени ослабляла вертикаль центральной власти, что оказалось на руку региональным анклавам.

Итак, успех Синьхайской революции выразился в свержении монархического режима в Китае. Но этот успех, по мнению японского историка Юцзо Мицзогучи, стал возможен лишь после политической и моральной измены Цинам со стороны Юань Шикая и упорству

Сунь Ятсена, готового покончить с монархией любой ценой, не думая о негативных последствиях передачи власти тому же Юань Шикаю (см. [15]).

Юань Шикай, безусловно, принадлежит к числу крупных политических фигур новой истории Китая. Фигура эта была репрезентативная и неоднозначная. Он был крупным военно-политическим сановником, вышедшим из горнила цинского монархического режима и сыгравшим важную роль в его свержении. В период Синьхайской революции именно Юань Шикай являлся самой влиятельной политической силой. Его оценку со знаком минус, в течение многих лет характерную для отечественной историографии (см. [3; 6]), нельзя на сто процентов считать правомерной и объективной. Юань Шикай был типичным представителем своей эпохи и своего социального круга, типичным националистом консервативно-традиционалистского толка. Думается, нельзя исключить, что его попытки утвердить в своём лице авторитарно-диктаторский режим и даже возродить монархию можно рассматривать и как стремление сцементировать единство страны, предотвратить «хаос» и наладить «порядок». Однако история, в том числе китайская, показывает, что любое насилие, в том числе революционное, ведёт к тоталитаризму, авторитаризму и диктатуре. Пока что для нас бесспорно, что Юань Шикай хотел увидеть Китай сильной державой и ничьей марионеткой не был. В последнее время негативный подход к фигуре Юань Шикая начал меняться и в китайской историографии (см. [8, с. 117]).

Известны длительные споры в 1970–1980-х годах среди отечественных историков о характере и итогах революционных событий в период Синьхая. Была ли это буржуазная (см., например, [6, с. 526]) или буржуазно-демократическая революция (см. [13, с. 126]), или просто переворот 1911–1912 гг., завершивший очередной династийный цикл [1, с. 480]? Завершилась она победой (см., напр., [14, с. 305–311]) или поражением [12, с. 189]? Появилось мнение, что свержение маньчжурского господства «не стало буржуазной революцией» [1, с. 490]. Возник вопрос – а была ли Синьхайская революция неизбежной? С нашей точки зрения, знаменательные события 1911–1912 гг. можно считать революцией, которая по своему характеру являлась буржуазной. Правда, в конечном счёте она не принесла китайскому обществу ни демократии, ни бурного экономического развития, ни благополучия. Её социальная база была ограниченной – широкие слои народа, прежде всего крестьянство, оставались достаточно инертными к происходящему. Можно согласиться с мнением ряда зарубежных и отечественных политологов о незавершённом характере Синьхайской революции (см. [15]), хотя и этот тезис может вызвать целый

ряд риторических вопросов. После чего её можно было бы считать завершённой? После провозглашения, а, главное, реализации буржуазно-демократических свобод, западного конституционализма? Но Китай, как известно, не Запад...

Было ли провозглашение в Китае республиканской формы правления (парламентской республики) «забеганием вперёд»? – тезис, который время от времени провозглашается в отечественной историографии. С этим тезисом, высказываемым некоторыми историками (см., напр., [4, с. 129]), казалось бы, также можно легко согласиться, тем более что с падением цинской династии формально обновился лишь верхний ярус деспотической власти. Но не отражает ли данный подход определённые элементы, свойственные евроцентризму? Вместе с тем, такая постановка вопроса, как нам представляется, не совсем правомерна, потому что ответ на него может быть только предположительным. Но китайская история, как и любая другая, не имеет сослагательного наклонения. Свержение цинской монархии стало реакцией китайских военно-бюрократических региональных верхов на сверхцентрализованную вертикаль цинской монархической власти. Свержение Цинов воспринималось в Китае как победа национальной революции над инородцами – маньчжурскими «варварами».

Попытки же возродить в Китае монархический режим, пусть даже в парадно-демонстрационном виде (схожим с возрождённой японской монархией в период Мэйдзи или с монархическими структурами в ряде стран Западной Европы) в конечном итоге заканчивались провалом. Монархия в китайском варианте означала бы диктатуру и прекращение милитаристской «вольницы», что не могли допустить правители милитаристских анклавов. Возрождение и ликвидация монархического режима на части китайской территории (на Северо-Востоке) происходила уже с помощью внешнего силового воздействия – в первом случае со стороны Японии, во втором, – со стороны СССР.

Впрочем, отмирание монархических структур в китайской политической жизни продолжалось вплоть до 1945 г., а их влияние даже в республиканскую эпоху находило отражение, скажем, в бонапартистских замашках Чан Кайши или в авторитарном правлении того же Мао Цзэдуна. Даже современное китайское историческое сознание по-прежнему сохраняет многие образы прошлого, включая сюжеты о былом величии имперско-монархических образований старого Китая. Иными словами, традиции, заложенные в период существования китайских монархических систем, и сегодня проявляют себя в тех или иных реалиях современного Китая. Современные государственные службы КНР, Тайваня (как составной части Китая), а также некоторых других стран Восточной и Юго-Восточной Азии

являются прямыми наследниками политической культуры имперской эпохи (221 г. до н.э. – 1911–1912 гг.).

Свержение цинской монархии и переход к республиканской форме правления явились важнейшими звеньями в прорыве Китая в современный мир. Конечно, синьхайские события 1911–1912 гг. были сложными, противоречивыми и далеко не однозначными. С одной стороны, они возродили деструктивные начала в политической жизни страны (распад государства, гражданские войны, противостояние милитаристских клик). Но те же события ознаменовали и серьёзное движение Китая в сторону вестернизации, и, что более важно, модернизации огромной страны. Процесс этот продолжается и поныне.

Размышляя о судьбах современного Китая в связи с анализом Синьхайских событий, хочется надеяться, что Китай исчерпал своё время революций, которые, как показывает история, ведут к неисчислимым жертвам и катастрофическим последствиям.

Литература

1. *Бокщанин А.А., Непомнин О.Е., Степугина Т.В.* История Китая. Древность, средневековье, новое время. М., 2010.
2. *Дмитриев С.В., Кузьмин С.Л.* Что такое Китай? Срединное государство в историческом мифе и реальной политике // *Восток (Oriens)*, 2012, № 3.
3. *История Китая с древнейших времён до наших дней.* М., 1974.
4. *Непомнин О.Е.* История Китая. XX век. М., 2011.
5. *Никифоров В.Н.* Очерк истории Китая. II тысячелетие до н.э. – начало XX столетия. М., 2002.
6. *Новая история Китая.* М., 1972.
7. *Переломов Л.С.* Конфуций и конфуцианство с древности по настоящее время (V в. до н.э. – XXI в.). М., 2009.
8. *Стабурова Е.Ю.* Изучение Синьхайской революции в Ухане в контексте современного Китая // *Общество и государство в Китае.* XLII научная конференция. Т. 2. М., 2012.
9. *Сунь Ятсен.* Избранные произведения. М., 1985.
10. *Чудодеев Ю.В.* Накануне революции 1911 г. в Китае. Конституционное движение либеральной буржуазно-помещичьей оппозиции. М., 1966.
11. *Непомнин О.Е.* История Китая. Эпоха Цин. XVII – начало XX века. М., 2005.
12. *Тихвинский С.Л.* История Китая и современность. М., 1976.
13. *Ефимов Г.В.* Революция 1911 г. в Китае. М., 1959.
14. *Меликсетов А.В.* Потерпела ли поражение Синьхайская революция? // *Седьмая научная конференция «Общество и государство в Китае».* Тезисы и доклады. Т. II. М., 1976.
15. *Головачёв В.Ц.* Международная конференция «Незавершённая революция: пересмотр идейного наследия Сунь Ятсена и его эпохи. Обзор международной конференции, состоявшейся в Государственном университете им. Сунь Ятсена (Гаосюн, Тайвань) (рукопись).